ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук Артема Борисовича Борунова на тему: «Сверхтексты в современной русской прозе: принципы структурно-семантической организации» по специальности 5.9.1 — «Русская литература и литературы народов Российской Федерации»

Рецензируемая диссертация посвящена изучению миромоделирующих принципов и способов, используемых при создании литературной реальности в современных художественных текстах. Вектор исследовательской работы Артема Борисовича Борунова видится как продолжение заявленной Ю.М. Лотманом проблемы — изучение сюжетного пространства романа XIX в. Лотман писал: «Структуру, которую можно себе представить как совокупность всех текстов данного жанра, всех черновых замыслов, реализованных и нереализованных, и, наконец, всех возможных в данном культурно-литературном континууме, но никому не пришедших в голову сюжетов, мы будем называть сюжетным пространством»[1]. Термин «сверхтект» в 80-е годы XX в. не был в ходу, поначалу упоминался как метафора, однако к XXI в. *сверхтекст* стал полноценным термином в ряду аналогичных (гипертекст, метатекст, претекст, паратекст, мезотекст и т. д.), по сути *сверхтекст* в работе А.Б. Борунова — это лотмановское *сюжетное пространство*.

Именно это направление, обозначенное и только начатое Лотманом, определяет научную **актуальность** диссертации А.Б. Борунова: стали заметны исследования сверхтекстов современной русской прозы (см., например, диссертации, защищенные в 2024 году: «Семантика контекста и поэтика цикла рассказов “Чемодан” Сергея Довлатова» С.Н. Ширяевой,

[1] *Лотман, Ю.М.* Сюжетное пространство русского романа XIX столетия // Ю.М. Лотман. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988. С. 330.

«Проза Юрия Буйды: мифопоэтика, циклизация, мотивика» М.В. Куриленко), однако в приведенных примерах исследователи ограничиваются авторским метатекстом, а А.Б. Борунов решает проблему глобально: выявляет парадигматику сверхтекста современной литературы как такового, что выводит его работу в ряд теоретических новаций.

Цель диссертации, по словам соискателя, выявление закономерностей в рождении и функционировании феномена сверхтекста в современной русской литературе. Для ее реализации диссертант сформулировал адекватные **задачи,** размещенные на с. 16–17 диссертации.

В первой главе диссертации — «К истории и теории сверхтекстов: от античности до наших дней» — автор рецензируемой работы рассматривает генезис «сверхтекста», а именно историко-литературные подходы художественного дискурса к сверхтекстам, отсылая к произведениям мировой литературы и народного эпоса — от античности до новейшего времени. Это «Илиада», «Одиссея», «Теогония», «Калевала»; это «Декамерон», «Кентерберийские рассказы», цикл «Тысяча и одна ночь»; это «Человеческая комедия» Бальзака, цикл «Ругон-Маккары» Золя; упомянуты трилогии Сергея Аксакова, Льва Толстого, Максима Горького, Федора Гладкова, Андрея Белого, Дмитрия Мережковского и других авторов, в текстах которых прослеживается циклизация как один из принципов образования сверхтекстов.

В качестве более подробной представлена аналитика сверхтекстов в прозе современного автора — Дины Рубиной. Это ее трилогии «Люди воздуха», «Русская канарейка», «Наполеонов обоз».

Диссертационный анализ приема *циклизации* логично выводит на анализ специфичных для циклов *композиции* и *архитектоники*, которые также имеют свои особенные черты в *сверхтекстовом* контексте. И, наконец, А.Б. Борунов делает смелое и почти радикальное заявление, относя сверхтексты к жанровой разновидности литературы, приводя убедительные, доказательные аргументы — с учетом свойств современного дискурса и «семантической вселенной»

(термин В. Налимова и Ж. Дрогалиной)[2]. По словам диссертанта, начиная со второй половины XX в. культура испытывает потребность в форме, превосходящей роман по своему объему, то есть в сверхтексте (Дис. С. 61).

Вторая глава «Сверхтексты в современной русской литературе: проблема генезиса, структуры и жанровых разновидностей» сосредоточена на дискурсе массовой культуры, на вымышленных мирах фэнтези и «магической» прозы, порождающих сверхтексты, на детективной стратегии как механизме, генерирующем сверхтекст. С опорой на труды, исследующие культуру, — Ж. Бодрийяра, Р. Барта, К. Меца, Я. Мукаржовского, Ж. Делёза, Ю.М. Лотмана, Вяч. Вс. Иванова, М.Б. Ямпольского, Г.С. Кнабе и др., диссертант совершает аналитические ходы, приводящие к констатации определенных процессов, моделирующих сверхтексты, среди которых комиксы и экранизации — масштабный креолизованный текст, часть сверхтекста.

Помимо анализа трилогий Дины Рубиной, рассмотренных как авторский сверхтекст («Люди воздуха»: романы «Почерк Леонардо», «Белая голубка Кордовы», «Синдром Петрушки»; «Русская канарейка»), с акцентами на родовых и семейных отношениях, представлен анализ дилогии Михаила Елизарова: романов «Pasternak» и «Библиотекарь», по мысли диссертанта, выступающих сверхтекстом в читательской рецепции (не в авторской): «концептуальной основой этих романов становится представление о книге и в целом художественном слове как о субстанции, меняющей реальность. Осмысление данной концепции в диаметрально-противоположных философско-политических регистрах только подчеркивает смысловую сопряженность этих текстов» (Дис. С. 84). Эти два фрагмента исследования становятся стартом для разговора об «авторском мифе», который и сто*и*т в основании любого сверхтекста (см. две упомянутых диссертации — Ширяевой

---

[2] См.: *Налимов, В.В., Дрогалина, Ж.А.* Вероятностная модель бессознательного. Бессознательное как проявление семантической вселенной // Психологический журнал. 1984. Т. 5. № 6. С. 111–122.

и Куриленко) и который выступает в постмодернистской литературе в качестве «сырья» для создания «художественного мира» (Дис. С. 88). Собственно, это словосочетание — «художественный мир» есть своего рода «оговорка по Фрейду»: то, что в литературоведении второй половины XX в. называлось «художественным миром писателя», в новых реалиях, с учетом контекста глобализации и цифровизации, явлено как «сверхтекст»; не каждый писатель рождает свой «художественный мир», а значит, и сверхтекст. Однако почти каждый находится во власти сверхтекстов культуры — об этом, собственно, диссертация А.Б. Борунова: «миф “погружается” в контекст, нужный автору» (Дис. С. 88).

Последующие главы диссертации посвящены исключительно аналитике творчества Бориса Акунина[3].

В третьей главе «Система персонажей как опорная структура “фандоринского корпуса”» упор сделан на персонажную составляющую текстов Акунина[4], в связи с чем Ю.М. Лотман, исследуя сюжетное пространство русского романа XIX в. (в нашем случае сверхтекста), писал, что персонажи — это «основные сюжетные единицы»[5]. А.Б. Борунов вначале анализирует главного героя «фандоринского корпуса», затем типовой набор ролей в фандоринском повествовании, отдельный параграф посвящает образу правителя как циклообразующему элементу «фандоринского корпуса».

Четвертая глава «Композиционно-семантические связи сверхтекста об Эрасте Фандорине» сосредоточена на архитектонике сверхтекста «вселенной Фандорина» и интертекстуальности, ориентированной на игру с читателем,

---

[3] Этот автор 18.12.2023 внесен Федеральной службой по финансовому мониторингу в Перечень экстремистов и террористов (№ 13056); 12.01.2024 внесен Министерством юстиции Российской Федерации в реестр СМИ и физических лиц, выполняющих функции иностранного агента (№ 743).

[4] Этот автор 18.12.2023 внесен Федеральной службой по финансовому мониторингу в Перечень экстремистов и террористов (№ 13056); 12.01.2024 внесен Министерством юстиции Российской Федерации в реестр СМИ и физических лиц, выполняющих функции иностранного агента (№ 743).

[5] *Лотман, Ю.М.* Сюжетное пространство… С. 328.

а также на сквозных мотивах «фандоринского корпуса» и «фандорианы». Не могу не отметить, возможно, замеченную до меня деталь: диссертант пишет о семантической игре на ономастическом поле акунинской прозы, где ряд псевдонимов писателя — Борис Акунин[6], Анатолий Брусникин, Анна Борисова — при сокращении концентрируется вокруг букв А и Б; но и имя исследователя акунинского сверхтекста, то есть Артема Борунова, тоже соответствует буквам А и Б. Можно говорить о некой метафизической органике исследовательского проекта — диссертации А.Б. Борунова.

В этой главе диссертант рассматривает семиотику ряда метатекстуальных культурных деталей, среди прочих — «отрезанная голова». Сразу отмечу одно из недостающих звеньев в цепи ассоциаций. Диссертант пишет: «К таким аллюзиям следует отнести, к примеру, мотив отрезанной головы» (Дис. С. 225) — и приводит ряд аллюзий: мучительная казнь в европейской традиции, голова Иоанна Крестителя, фантастический роман А. Беляева «Голова профессора Доуэля» и др. Вернемся к Лотману, который пишет: «элементы текста — наименования предметов, действий, имена персонажей и пр. — попадают в структуру данного сюжета, уже будучи отягчены предшествующей социально-культурной и литературной семиотикой. Они не нейтральны и несут память о тех текстах, в которых встречались в предшествующей традиции. <…> Вещи — социокультурные знаки — выступают как механизмы кодирования, отсекающие одни сюжетные возможности и стимулирующие другие»[7]. А.Б. Борунов следует именно такой стратегии, воспроизводя культурно-исторические аллюзии, однако одно звено досадно упущено: это картины Туркестанского цикла Василия Верещагина — с отрезанными головами. Эти работы прежде всего, на наш взгляд, были контекстуальным кодом к прочтению акунинского текста, так как еще при

---

[6] Этот автор 18.12.2023 внесен Федеральной службой по финансовому мониторингу в Перечень экстремистов и террористов (№ 13056); 12.01.2024 внесен Министерством юстиции Российской Федерации в реестр СМИ и физических лиц, выполняющих функции иностранного агента (№ 743).

[7] *Лотман, Ю.М.* Сюжетное пространство… С. 329.

жизни слава Верещагина-художника была всемирной, и «отрезанная голова» в тексте Б. Акунина[8] — некий «оммаж» Верещагину.

На с. 227 диссертации есть фрагмент: «Елизавета Турусова (Мона), увлекается скульптурой и в качестве упражнения лепит из воска точную копию головы Эраста Петровича, с приклеенными волосами, усами и бровями. Восковая голова становится основой композиции…» — было бы уместным обозначить эту восковую голову *скульптурным экфрасисом*, задействовав те возможности, которые предоставляет для анализа экфрастическое описание[9].

Пятая глава «Лингвосемиотика фандоринского сверхтекста» исследует язык, в частности искаженную речь персонажей, играющую роль портретной характеристики, и гендерное травестирование персонажей «фандоринского корпуса».

Заключение логично вытекает из аналитики пяти глав диссертации. Однако ожидаемого выхода за пределы творчества главного писателя диссертации в Заключении не случилось. Возможно, А.Б. Борунов посчитал, что выводы первой и второй глав достаточно убедительны для характеристики механизма рождения и существования сверхтекстов в современной русской литературе.

Высказанные по ходу отзыва якобы «замечания» таковыми не являются, это лишь субъективные реплики рецензента.

Хотелось бы высказать предложение (или рекомендацию) для дальнейшего развития исследования: во введении диссертант говорит о растождествлении локального сверхтекста и собственно того сверхтекста,

---

[8] Этот автор 18.12.2023 внесен Федеральной службой по финансовому мониторингу в Перечень экстремистов и террористов (№ 13056); 12.01.2024 внесен Министерством юстиции Российской Федерации в реестр СМИ и физических лиц, выполняющих функции иностранного агента (№ 743).

[9] «Невыразимо выразимое»: экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте: Сборник статей / сост. и науч. ред. Д.В. Токарева. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 572 с.; Теория и история экфрасиса: Итоги и перспективы изучения: коллективная монография / под науч. ред. Т. Автухович при участии Р. Мниха и Т. Бовсуновской. Siedlce, 2018. 703 с.

который стал объектом диссертации. Во-первых, дать ему название, чтобы избежать путаницы с локальным сверхтекстом, во-вторых, найти корпус отличий и ряд закономерностей, порождающих эти два схожих и отличных феномена. К слову, упомянутая «визитная карточка» Японии (суши, саке, икебана, сумо, бонсай) (Дис. С. 146) — это все же не «японский культурный код», а именно японский текст (локальный текст) в русской культуре.

И совсем незначительное замечание: диссертация Е.С. Тулушевой «Принципы циклообразования в трилогиях Дины Рубиной “Русская канарейка” и “Наполеонов обоз”» не 2019 года (как написано в рецензируемой диссертации на с. 26, 29, 34, 75, 77), а 2021 года.

К диссертанту есть три вопроса:

1. Хотелось бы услышать толкование термина *изотопия* (он не объясняется в диссертации).

2. Как Вами толкуется термин *неомиф*?

3. В чем отличие «фандорианы» от «фандоринского корпуса»?

Научная новизна диссертационного исследования А.Б. Борунова несомненна.

Личный вклад диссертанта в науку определяется тем, что диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук представляет научно-квалификационную работу, в которой на основе выполненных А.Б. Боруновым исследований разработаны теоретические положения о рождении, структурно-семантической организации и функционировании сверхтекстов. Эти положения можно квалифицировать как научное достижение, дополненное **апробацией** результатов исследования: публичными выступлениями на научно-практических конференциях и научными публикациями, в которых, как и в автореферате, отражены основные смысловые зоны диссертации.

Объективность и достоверность результатов изучения современной прозы писателей, имеющих типологическое сходство в создании сверхтекстов, обеспечиваются обоснованной теоретико-методологической

базой и междисциплинарным характером исследования (литературоведение, фольклористика, история, медиаисследования, киноведение), взаимодополняющими методами анализа, культурно значимым текстовым материалом, публичной апробацией основных положений работы.

Диссертация «Сверхтексты в современной русской прозе: принципы структурно-семантической организации» соответствует требованиям пп. 9–14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Правительством Российской Федерации от 24.09.2013 № 842 (в действующей редакции), а ее автор, Артем Борисович Борунов, заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки).

Подпись руки Э.Ф. Шафранской заверяю.
Начальник отдела кадрового учета
В.Н. Шолохова

Официальный оппонент:
доктор филологических наук (10.01.01),
профессор департамента филологии
института гуманитарных наук ГАОУ ВО
«Московский городской педагогический университет»

Элеонора Федоровна Шафранская

3 февраля 2025 г.

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:
10.01.01 — Русская литература

Адрес места работы:
129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4,
Московский городской педагогический университет, институт гуманитарных наук, департамент филологии.
Тел.: +7 (499) 181-40-13; e-mail: philology.ign@mgpu.ru